ПЕРВЫЙ ПАРОХОД

Ледоход!
Миллиарды бацилл несиденья
Перекусали всех —
люди взмокли,
В комнатах-клетках
от нетерпенья
Бегая
то к дверям,
то к окнам.
В учреждениях
дисциплина раскисла.
Хромает,
как лошадь, в лугах
стреноженная...
Над городом
что-то такое...
повисло —
Радостное и тревожное.

Голоса громки,
смех раскатно-басов,
Сердца под рёбрами
стукают рьяно.
Ледоход —
это вам
не вагон блинов.
Енисей —
не цистерна сметаны!
Может быть, где-нибудь
на Дону иль Оке
Ледоход —
не такая пора уж яркая.
Ну а тут — Енисей!
На такой реке —
Ледоход,
да ещё в Игарке!
И понятно оно:
на Оке ледоход —
Это лишь
«отправленье природы».
Ну, сказать:
что за радость там —
пароход,
Коль на ней
каждый день пароходы?
Вот к нам —
как придёт он,
гудком оря,
Весь город —
на пристани сразу.
Как духи,
его запах
вдыхают в себя
И чуть-чуть
не пробуют на зуб!
Для нас,
для детей морозов и пург,
Которых природа не балует,

Так дорог,
так мил
этот старый друг —
Кусок пароходной палубы!
Он нам —
не спасенье,
как впавшим в отчаянье,
без надежды вернуться
в родные широты:
Он — кусочек родины,
любимой арктичанами.
То-то!

Игарка, июнь 1937

В ПУТИ

Моей жене

Ночь.
Скрипят полозья санок.
И бегут олени
До неведомых хибарок
Маленьких селений.
Ночь длинна, куда длиннее
Самой длинной думы,
На далёком Енисее,
В стороне угрюмой.
Здесь природа бессердечна,
До пределов стро́га:
Грустна, грустна бесконечно
Длинная дорога!
Всё закрыто, сжато тесным
Белым мраком вьюги...
Запеваю громко песню
О далёком юге.
— Хо, поёшь? — кричит мне
ка́юр,
Оживляясь, громко.

— Дочку, дочку вспоминаю,
Милого ребёнка!
И проходит час за часом.
Далека дорога!
Снова песнь моя угасла,
Погасив тревогу.
Снова белый мрак на землю
Опустился белью,
Видно только лишь оленей
Да рога оленьи.
Енисей широк — не видно
Берегов в тумане.
Я ушёл дорогой длинной
Мыслей и мечтаний,
Через горы, реки, дали,
Лес непроходимый,
В те края, где я оставил
Мать и дочь, к любимой,
Что со мной мечтой заветной
Дышит в дружбе тесной...
И себе же незаметно
Запеваю песню.
— Хо, поёшь? — кричит мне
ка́юр.—
Знать, весёлый ты-то!
— Дочку, дочку вспоминаю,
Дочку Маргариту!
И скрипят полозья санок,
И бегут олени
До неведомых хибарок
Маленьких селений.
Огонёк блеснул далече,
Робкий, одинокий...
Ох, как длинны, длинны ночи
В стороне далёкой!

Дудинка, январь 1937

Подготовил Владимир ШАНИН